

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ДРЕВНЕМ РИМЕ В III ВЕКЕ: СОЦИАЛЬНАЯ ЛЕСТНИЦА ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ?

SOCIAL MOBILITY IN ANCIENT ROME IN THE THIRD CENTURY: A SOCIAL LADDER OR A SOCIAL ELEVATOR?

Статья посвящена исследованию того, как функционирует социальная мобильность в сложные исторические периоды. Выявляются каналы социальной мобильности в кризисный период существования Римской империи (III в.). Показывается, что армия стала основным каналом социальной мобильности. Проиллюстрировано действие социальных лифтов и лестниц при выдвижении правителей в «эпоху солдатских императоров».

Ключевые слова: кризис, Римская империя, социальная мобильность, социальная лестница, социальный лифт.

The article is devoted to the study of how social mobility functions in difficult historical periods. Channels of social mobility in the crisis period of the Roman Empire (III century) are identified. It is shown that the army has become the main channel of social mobility, illustrated the action of social elevators and ladders when nominating rulers in the “era of soldiers' emperors”.

Keywords: crisis, Roman Empire, social mobility, social ladder, social elevator.

Познание феноменологии жизни индивида и общества невозможно без постижения жизненного пути. Жизненный путь всегда пролегает во вполне определенных координатах (географических, исторических, мировоззренческих, социальных, психологических и т. д.). Социальная мобильность — это социальное измерение жизненного пути.

Жизненный путь индивида и общества нельзя представить без кризисов, которые влияют на изменение направления движения. Социальные потрясения, войны, смена династий, появление новых идеологий неизбежно приводили к социальному взлету отдельных личностей из низов к вершинам власти. В результате политическая элита гибла. Как ответ на это начинала работать вертикальная мобильность. Яркий пример — жизнь китайского императора Лю Бана, основателя и первого правителя империи Хань (202–195 гг. до н. э.), который был выходцем из крестьянской семьи [1, с. 95]. Социальным лифтом для него стало образование.

Иногда на волнах кризиса возвышались целые социальные группы, т. е. срабатывала групповая мобильность. Примером служит Афинский полис VI в. до н. э., где в результате реформ Солона, поменявшего принцип происхождения при выборах на должность на принцип богатства, практически все жители Афин, за исключением рабов и колонов, получили возможность избираться на должности [2, с. 230]. Горизонтальная мобильность носит более массовый характер. Чего стоит «коллапс бронзового века» и Великое переселение народов в IV–VII вв.!

Интереснейшим сюжетом для иллюстрации вертикальной социальной мобильности в Античности можно считать кризис Римской империи III в. Этот кризис обрушился на Рим в эпоху принципата и бушевал в течение пятидесяти лет (с 235 по 284 г.). Он буквально перетряхнул все сферы жизни Рима, и в первую очередь внутри- и внешнеполитическую. Мы видим ослабление императорской власти, которое вылилось в «императорскую чехарду» на римском престоле. За это время у власти побывало 29 «законных»

императоров и огромное количество узурпаторов, иногда правящих по несколько месяцев, но успевавших за это время сколотить немалые состояния, настроив против себя сенат и народ. Сенат же выродился в собрание тщеславных магнатов, то раболепствующих перед императором, то фрондирующих, озабоченных в основном защитой своих сословных привилегий и внешних атрибутов власти.

Кризис привел к серьезным изменениям во внешней политике: Рим теряет ряд своих провинций, например Дакию, вследствие вторжения варваров [3, с. 28]. Параллельно с политическим набирает обороты экономический кризис. Так называемый античный способ производства окончательно себя исчерпал, что привело к упадку хозяйства и культуры, гиперинфляции, обнищанию народа и другим необратимым последствиям. Чтобы в условиях такой имманентно противоречивой ситуации не допустить дисфункциональности централизованного начала, императорская власть, призванная обеспечивать единство и стабильность империи, вынуждена была искать реальную опору. Такой опорой становится армия — на тот момент реальная социально-политическая сила, которая имела вес, могла поддерживать порядок в государстве, опираясь на силу своих копий и мечей [4, с. 98].

Император Септимий Север провел такую реформу армии, чтобы эта социально-политическая сила напрямую зависела от него и подчинялась непосредственно ему. Реформа затронула в основном интересы простых легионеров и преторианцев, положение которых до того момента было незавидным. Жалование, установленное ещё Октавианом Августом в 13 г. до н. э. в 900 сестерциев, с тех пор практически не индексировалось. Падал престиж военной службы, и императоры сталкивались с проблемой набора в армию. Септимий Север повысил жалование легионеров и преторианцев (*stipendium*) и денежные выплаты (*donativa* и *praemia*). Также легионеры получили права на приобретение движимого имущества и земельных участков в тех провинциях, где

были расквартированы их легионы. Ветеран, вышедший на пенсию, теперь становился землевладельцем и почетным гражданином, а не маргиналом без средств к существованию. Изменил Север и принцип набора воинов в преторианские когорты, открыв рядовым легионерам доступ к всадническим и сенаторским должностям в легионе.

При Северах продолжается и расширяется практика привлечения в армию варварских отрядов, чему способствовали такие меры, как предоставление земель для поселения, повышение статуса вспомогательных и выделение особых легионных земель, передаваемых по наследству на условиях несения службы. Отмеченные меры, безусловно, стимулировали приток добровольцев, что позволило увеличить численность армии [5, с. 259]. Следует особо подчеркнуть, что пополнение армии иллюстрирует массовую социальную мобильность — оно стало осуществляться преимущественно за счет новых социальных групп: прежде всего сельского свободного населения (главным образом из Придунайских провинций), возможно, колонов, варваров, сыновей ветеранов.

После военной реформы Септимия Севера римская армия не только была укреплена в материальном и организационном отношении, но и превратилась в решающую политическую силу. Династии Северов в целом удавалось управлять этой силой и поддерживать определенный баланс интересов армии и сената. Однако убийство Александра Севера разъяренными легионерами оказалось своего рода рубежом в отношениях между императорской властью и армией. Армия вышла из-под политического контроля царствующих императоров и стала диктовать свою политику, направленную прежде всего на удовлетворение собственных интересов. Провозглашение и низложение императоров диктовалось теперь не государственными потребностями, а произволом тех или иных армейских группировок [4, с. 215]. Не следует забывать также, что к III в. так называемый *Pax Romana* (мирный период, установленный Августом на территории Римской империи в 27 г. до н. э.) был закончен. Военные действия разворачивались как внутри страны, так и за её пределами — с Парфией и Персией на востоке, с аланами, готами на западе, с мавретянами на юге [3, с. 275].

По мнению Питирима Сорокина, именно в эпоху кризисов и войн происходит активизация социальной мобильности, как горизонтальной, так и вертикальной. Крупные потери среди командного состава вынуждают заполнять вакансии выходцами из более низких сословий. Чем продолжительнее война, тем большее значение обретает военный незнатного происхождения, если он проявил себя как талантливый военачальник. Поэтому именно в период войн начинает работать один из важнейших каналов вертикальной циркуляции или социальный лифт — армия. Чем продолжительнее война, тем большее значение обретает военный незнатного происхождения, если он проявил себя как талантливый военачальник [6].

Римская армия III в. н. э., постоянно воевавшая и несшая вследствие этого большие потери, в том числе в командном составе, была главным локусом социальной мобильности — в ней было легко сделать стремительную

карьеру, имея полководческий талант и некоторое везение. Даже бывший варвар из какой-нибудь дальней провинции лет за двадцать из рядового мог стать командиром легиона. Такой человек, однажды получив власть, в дальнейшем мог использовать её в собственных интересах. Возможность обирать, грабить и унижать своих жертв, мстить врагам, купаться в роскоши, устраивать пышные церемонии, присваивать себе титулы и вообще делать что угодно доставляет такому лидеру несметные богатства, наделяет его всей полнотой власти, которой обладает только родо-витая знать, окружает его имя славой положительного или отрицательного героя.

Выделяются два варианта вертикальной мобильности. Первый — проникновение индивидов из более низких слоев в существующий более высокий слой. Второй — образование этими индивидами новой группы с последующим вхождением её в более высокий слой вместо ранее существовавшего или наряду с ним [6, с. 150]. Первый вариант вертикальной мобильности вывел на историческую арену крестьян, представителей варварских провинций, не имеющих гражданских прав в Риме, благодаря тому, что в армии всегда существует кадровый голод. Простой легионер за пару лет службы в армии мог дослужиться до чина, на получение которого в докризисные времена могло не хватить жизни. Так, Марк Оклатиний Адвент, выходец из незнатной семьи, начав своё восхождение по карьерной лестнице с фрументария — поставщика хлеба для римской армии, через двенадцать лет стал префектом Рима [7, с. 252]. И таких примеров можно вспомнить десятки.

Постепенно внутри армии таких акторов становится настолько много, что они образуют достаточно мощный слой, консолидируются в единую политическую силу. Затем эта сила начинает активное восхождение по социальной лестнице. В нашем случае — пользуется одним из каналов вертикальной циркуляции — службой в армии. Причём интенсивность вертикальной мобильности (дистанция или количество слоев — экономических, профессиональных или политических, проходимых индивидом в его восходящем или нисходящем движении за определенный период времени) в этом случае достаточно высока. Затем на фоне групповой вертикальной мобильности снова начинает активизироваться индивидуальная вертикальная мобильность. Чтобы поддерживать военную элиту, нужны ставленники этой элиты. И самые активные из них выдвигаются в императоры.

Если какой-либо военачальник пользовался популярностью и был любим солдатами, то при желании он мог склонить сначала свой, а затем и дислоцировавшиеся поблизости легионы к мятежу. За этим следовал поход на Рим и битва с верными нынешнему императору войсками. Если полководец выигрывал эту битву, то он становился очередным «солдатским императором». Неудивительно, что к власти приходили порой личности, не имевшие никакого отношения к традиционной римской знати. Так, из 92 солдатских императоров эпохи кризиса 36 были представителями низших сословий, причём четверо из них — крестьянского происхождения: Максимин Фракийец — пастух, Марк Аврелий Валерий Клавдий, Луций Домиций Аврелиан,

Марк Аврелий Проб — крестьянские дети, достигшие высокого общественного положения, начав с низших социальных слоев и продвигаясь по ступеням армейской иерархии [8, с. 220–290].

В этом отношении весьма интересна личность первого «солдатского императора» Максимиана Фракийца. Максимин не должен был оказаться в армии. В юности он был пастухом и разбойником, причём из варварских племен. На военную службу попал благодаря своей недюжинной силе. Император Александр Север устроил военные игры в честь дня рождения своего сына. Максимин попросил участия в этих играх и одолел шестнадцать воинов, после чего был зачислен в армию, а затем вошел в личную охрану Александра. С этого момента для него заработал один из важнейших каналов социальной мобильности — служба в армии. Здесь сработал так называемый социальный лифт — механизм повышения социального статуса. Далее Максимин не без поддержки императора очень быстро продвигается по социальной лестнице (модель расположения отдельных групп людей, которая основывается на их материальном и профессиональном статусе в обществе). Центурион, трибун, легат, любимый войсками и ненавидимый сенатом, после смерти Александра он был провозглашен армией императором. Впервые императором был провозглашен человек из военных кругов, ещё не сенатор, без постановления сената [8, с. 169–170]. Так Максимин был поднят на недостижимую высоту с помощью социального лифта.

Мы видим, что в эпоху кризиса III в. римское общество стало открытым для социальной мобильности благодаря тому, что Септимий Север активизировал своей реформой один из важнейших каналов социальной мобильности — службу в армии. Какой же из двух инструментов социальной мобильности наиболее активно задействован в этот период — социальная лестница или социальный лифт? Полагаем, что в периоды кризисов, подобных кризису Римской империи III в., работают оба канала социальной мобильности, причём действие этих механизмов чередуется: сначала Септимий Север своей реформой открывает для целого

слоя легионеров и преторианцев социальную лестницу, по которой к армейским должностям достаточно быстро поднимается большая группа легионеров и преторианцев. А затем запускается социальный лифт. И армия, преследуя свои меркантильные цели, выносит на своих плечах «солдатских императоров» к вершинам власти. Таким образом, кризисы, сильнейшие социальные и политические потрясения изменяют жизнь как отдельного человека, так и общества в целом, начинает работать динамическая энергия социальной мобильности.

1. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина ; под общ. ред. Р. В. Вяткина : в 9 т. 2-е изд., испр. и доп. М. : Вост. лит. РАН, 2001. Т. I. 415 с.

2. Суриков И. Е. Солон: певец и творец «благозакония» // Античная Греция: политики в контексте эпохи: архаика и ранняя классика. М. : Наука, 2005. С. 212–271.

3. Ле Боэк Я. Римская армия эпохи ранней империи. М. : РОССПЭН, 2001. 400 с.

4. Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М. : Наука, 1965. 288 с.

5. Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М. : Изд-во АН СССР, 1957. 512 с.

6. Сорокин П. А. Социальная мобильность / пер. с англ. М. В. Соколовой ; под общ. ред. В. В. Сапова. М. : Academia : LVS, 2005. XX, 588 с.

7. Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX / пер. с древнегреч. А. В. Махлаюка, К. В. Маркова, Н. Ю. Сивкиной, С. К. Сизова, В. М. Строгоцкого ; под ред. А. В. Махлаюка. СПб. : Нестор-История, 2011. 456 с.

8. Властелины Рима: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / пер. с лат. С. П. Кондратьева, под ред. А. И. Доватура. М. : Наука, 1992. 312 с.

© Прищенко С. В., 2020